

София Кульбицкая

КАНИКУЛЫ СОВЕСТИ

Роман-антиутопия

София Кульбицкая

Каникулы совести.
Роман-антиутопия

«Издательские решения»

Кульбицкая С.

Каникулы совести. Роман-антиутопия / С. Кульбицкая —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850288-0

«Бывают такие моменты в жизни, куда мы боимся заглядывать лишний раз. Это не всегда что-то серьёзное. Не обязательно преступление или подлость. Это может быть сущая мелочь. Но такая, что способна изгрызть душу хуже самого страшного злодейства...»

ISBN 978-5-44-850288-0

© Кульбицкая С.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Каникулы совести Роман-антиутопия

София Кульбицкая

© София Кульбицкая, 2018

ISBN 978-5-4485-0288-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

1

Тем утром у меня не было никаких предчувствий – ни дурных, ни хороших. Полная пустота. Хотя вообще-то я славлюсь очень крепкой – что называется «рабочей» – интуицией. У меня сосёт в животе к неприятностям и сладко кружится голова к удаче. А как-то раз я ненароком спас жизнь вагонной попутчице, которая, стоя у окна, любовалась проплывающими снаружи видами. Побуждаемый внезапным импульсом (необъяснимым – толстушки не в моём вкусе!), я на ходу с силой ткнул ей пальцами под рёбра, заставив сняться с места за секунду до того, как стекло сокрушил крохотный камешек, пущенный каким-то малолетним отмороженным. Это со мной часто бывает: я совершаю глупые и на первый взгляд неуместные поступки, которые чуть позже – на поверку – оборачиваются стопроцентным успехом.

Я – выкормыш науки и привык скрупулёзно докапываться до причины каждого явления. Вот и теперь у меня есть по меньшей мере две версии, объясняющие собой моего сверхчутья. Первая: то, что на меня надвигалось, было одновременно прекрасно и ужасно, вычтем одно из другого, получится ноль. Вторая: каким-то дьявольским образом «членкоры» Института Безопасности научились перехватывать и гасить даже те тончайшие сигналы, что наше всеведущее подсознание время от времени посылает уму. Хорошо зная на своей шкуре их (ибээровцев) сноровку, считаю второй вариант куда более вероятным.

Но я отвлёкся.

Итак, в то утро всё было, как обычно. Даже лучше – в кои-то веки у меня нигде ничего не кололо, не зундело и не дёргалось. Как всегда, я покряхтел немного, присел на кровати, пошевелил пятками по пупырчатому массажному коврику – приятно. Влез в тапки, пошкрябал в ванную. Звонок застал меня точнёхонько в тот момент, когда я топтался на розовом кафеле, подставляя жилистое тело тёплым ласкающим струям:

– Вэзз... тирли-тирли-тирли...

Ничто так меня не бесит, как обрывки стилизованного Чайковского, вплетённые в шум воды. Чу! Так и есть. Роняя шлёпанцы на ходу, бросился в комнату, к прикроватной тумбочке, с проклятиями зашерудил пальцами по бархатной клавиатуре. Ничего не изменилось, мерзкое пилюканье стало только звонче. Только тут до меня дошло, что оно – самый что ни на есть распоследний хит поп-певички Ди-Анны. Не прямая линия, а звукофон! Кому это я понадобился с утра пораньше?..

Хотел эдаким бодрячком отчеканить свои «атрибуты», да не тут-то было! Получилось что-то вроде:

– Ээээкхе-кхе-кхееее!..

В таких случаях я всегда вспоминаю одного покойного профессора. Любил он, бывало, поднять меня на рассвете: «Чтой-то у вас голосишка такой хриплый? Простыли? Ах, я вас разбудил? Такой молодой и так долго спите?! Так всё на свете проспите...» – и т. д. и т. п. Ехидный был старикан. Крепкой крестьянской закалки. Дипломная страда совпадала у него с дачной, ну и вы понимаете. Он даже защиту мою проигнорировал – поспела виктория или как её там. Но я не роптал. Чем меньше научрук лезет в дела дипломника – тем лучше. Если б он ещё не был таким упёртым и не пытался привить мне здоровые сельские привычки, я б души в нём не чаял.

Но этот, звукофонный, был из другого теста. Не нужны были ему мои атрибуты – он отлично знал их и сам. Очень вежливо, стараясь как можно чётче отделять одну букву от другой, он уточнил: действительно ли я – Анатолий Витальевич Храмов, доктор медицинских наук, психотерапевт категории 12-б?

Да, всё правильно.

Могу ли я прямо сейчас уделить ему несколько минут?

Да, конечно, я мог. Тем более что успел обсохнуть уже и без полотенца. Совсем потеплев, голос в трубке сообщил, что меня «беспокоят» из Института Безопасности России. Да-да, я правильно расслышал – ИБР, И-Б-Р:

– Знаете такую контору?

Да уж знаю поди. Хотя предпочёл бы не знать. Особенно сейчас, когда меня предупредили, что разговаривать со мной будет сам Игорь Игоревич Кострецкий:

– Думаю, это имя вы слышали не раз.

Слышал. Это уж точно. Весьма тонко и остроумно подмечено. Тут мой ласковый интервьюер попросил меня «обождать две-три минуты» – и врубил романтический джаз, позволив прокашливаться в своё удовольствие хоть до пионерской звонкости.

Честно скажу вам, ребята – я охренел.

Для ясности. Я – серьёзный учёный, имею научные звания и правительственные награды. Широко известен в узких кругах и т. д. Но вот именно – в узких. К числу корифеев не принадлежу. Не делал и сенсаций. Среди моих работ нет ни одной, что как-то выстрелила бы, прогремела смелой идеей или подачей. Тихо-мирно разрабатываю одну не слишком популярную тему: «Осознание бессмертия души в лечении депрессий и других психогенных расстройств». И то больше для удовольствия. Я не особо одарён и даже не очень усидчив. На меня работает только мой возраст, давший мне время понемногу, не торопясь, добиться всего, что тешит моё научное тщеславие. Спасибо предкам, что оставили мне в наследство крепкое здоровье, а то я, чего доброго, и не состоялся бы.

Шучу. Среди моих ранних работ есть несколько, которыми я очень доволен. «Иллюстрация к жизни», «Что там?», «Дьявол в подвале»... Но даже они, вместе взятые – не повод для того, чтобы мне так запросто, с утра пораньше названивали персоны государственного масштаба.

А тут ещё этот дурацкий джаз. Понятно, что он разливался в моей трубке не случайно. Глупо было бы думать, что всемогущий министр, решив побеседовать с народом, не успел допить свой утренний чай и попудрить носик. То был обычный для наших спецслужб акт гуманизма и деликатности. Мне давали время, чтобы придти в себя и настроиться на серьёзный лад – насколько это возможно после такого удара пыльным мешком по репе. Там, в Институте, хорошо понимали, как действует имя Кострецкого на простых россиян вроде меня.

Но тут они промахнулись. Я совершенно был уверен, что вот сейчас раздадутся звуки фанфар – и радостный голос сообщит, что меня разыграли и я могу подъехать в их офис на Маяковке, чтобы получить приз: оранжевую майку со свистком в пузе и логотипом «Аудио Здоровье». Идите вы со своей майкой тра-та-та, грязно выругаюсь я на всю Россию, прежде чем они успеют спохватиться и прервать трансляцию. Впрочем, нет. Передачу наверняка слушают мои пациенты, и подобная несдержанность может сказаться на результатах терапии. Ладно уж, давайте вашу майку. Оранжевый цвет сейчас в моде. На международном научном симпозиуме в Каире я произведу в ней фурор, мечтательно подумал я за долю секунды до того, как печальный сакс умолк, а в трубке раздалось вкрадчивое:

– Анатолий Витальевич? Доброе-доброе утро, мой дорогой!..

– и я вдруг с испугом вспомнил, что подобные розыгрыши запрещены в России под страхом уголовной ответственности много лет назад.

«Тут и сел старик» – как сказал бы поэт Твардовский.

Я опытный клиницист – как говорят, неплохой. Терпеть не могу всяких там научных кротов, с головой ушедших в теорию. Я стал врачом, чтобы помогать людям, а не делать на их бедах себе имя. И, хоть я специалист очень востребованный и занятой, но по вторникам и четвергам с 10.00 по 17.30 у меня прямая линия, куда любой может позвонить и рассказать о своих душевных неурядицах. (Звонок платный). Я работаю так уже почти тридцать лет – не столько

ради прибавки к пенсии, сколько по личным причинам, на которых не время сейчас останавливаться.

К чему это я? А вот. За годы практики я научился безошибочно различать тончайшие нюансы и оттенки человеческого голоса. Пациент ещё ничего не рассказал о себе, только поздоровался, – а я уже могу с 99,9-процентной вероятностью определить его запрос, бытовые условия, социальный статус и даже состояние здоровья. А уж узнать голос, который я миллион раз слышал по аудио, для меня и вовсе не проблема.

Сомнений не оставалось. На связи был он – Игорь Кострецкий. Его кругленькое похихивание, покоровившее весь мир, по какой-то неизвестной причине вкатилось теперь и в мою спальню.

Ну и дешёвки же вы, голубчики. В народ спускаетесь? Снисходите до личных разговорчиков? И, небось, думаете, что мы, простачки, от радости в штаны наделаем? Да кто ты вообще такой? Я и сам видывал виды, да я уже доктором наук был, когда тебя, сопляка, ещё и в нулёвку брать сомневались! Я покажу тебе, как держится старая гвардия!

И показал. Спокойно и даже обрадованным тоном ответил – как бы старому коллеге, даже приятелю:

– А-а, доброе-доброе, Игорь Игоревич!..

– но больше ничего не сказал и не спросил, а лишь терпеливо – хотя мне и было весьма не по себе – стал ждать, что будет дальше.

Но и он, чертяка, не торопился сдавать позиции. Уже совсем по-свойски поинтересовался:

– Ну и как мы живём-поживаем?

– на что я бодро ответил, что, дескать, ничего, всё в ажуре. Ощущение полного абсурда происходящего плюс кристально-ясное осознание того, что добром оно не кончится, ввергали меня – к моему ужасу – в состояние истерического веселья. А ведь я отдал борьбе с таким вот дерьмом без малого семьдесят лет.

А он всё не давал мне расслабиться, всё тыкал незримым пальцем то под правое, то под левое ребро, заводя то про моду, то про погоду. Жарко. Московские красотки синхронно перелезли в прозрачные майки и короткие бриджики, сообщил он, чуть не мурлыча. Прямо загляденье. Что ж, ему виднее. Мне-то на девушек заглядываться не приходится. Как так – я что, совсем никуда не выхожу? Совсем-совсем? Экая жалость. А он-то как раз хотел пригласить меня на свидание...

– В театр или на дискотеку? – чуть было не спросил я, грубо заржав, но вовремя скрутил себя – и лихорадочно заискал уехавшие куда-то под тумбочку перо и блокнот. Конечно-конечно, Игорь Игоревич, я всегда готов. Пациенты подождут. Солидные сетевые журналы с удовольствием покурят в коридоре. Окно? Когда хотите. Могу я пометить себе дату, время и ваши координаты?

Оказалось, записывать ничего не нужно:

– Мой человек заедет за вами.

Вот и всё. Вот как, значит, это сейчас делается. Только теперь, когда он отключился, меня заколотил озноб, аж зубы застучали. Нет, не от страха. Никакой вины за собой я не знал. Но сам факт. Где я – и где Кострецкий! Как он вообще догадался о моём существовании? Я не мог найти никакого разумного объяснения. И это пугало меня больше, чем любые возможные наказания и пытки.

В моём возрасте подобные стрессы вредны. А посему я, не теряя времени, прошлёпал на ковёр и сделал десяток приседаний. После чего всё встало на свои места. Я – старейший член Психотерапевтической Коллегии России и вхожу в десятку самых активных и бодрых участников Московского Клуба Долгожителей. Видимо, меня хотят поощрить за это медалью или грамотой. На правительственном уровне, ну да, а что такого? Партия Здоровья России

всегда равнялась на таких вот старичков-бодрячков вроде меня. Своим существованием мы как бы доказываем идеологическую верность взятого ею курса.

Волноваться было не о чем. Кроме одного. Я ведь и в самом деле давненько не выходил в свет – даже на околонуточных тусовках и презентациях уж лет десять не маячил. Одичал, поди. Достоин ли мой сморщенный фэйс, чтобы демонстрировать его иконам русского стиля?

Вот она – гадкая сторона старости. Полвека назад мне было достаточно побриться и провести по волосам растопыренной пятернёй, чтобы весь день ощущать себя импозантным и цивилизованным гражданином. Теперь же, чтобы выглядеть пристойно, я вынужден прибегать к целой серии унижительных ухищрений. Ничего не напишешь, таково нынешнее время – оно может простить мужчине всё, кроме неухоженности. А я стараюсь не отставать от эпохи. На последнюю мою пресс-конференцию по вопросам современных психотехнологий я надел облегающие лиловые джинсы и васильковую рубашку-апаш, а морщинистую шею замаскировал полупрозрачной розовой косынкой. Вышло очень даже презентабельно. Коллеги оценили. Но такой оттяжной персонаж, как Игорь Кострецкий, боюсь, только посмеётся над этими маленькими хитростями...

Я подошёл к зеркалу и несколько секунд изучал себя критическим взором. То, что я увидел, мне не понравилось. Может быть, потому, что я пытался глядеть на себя глазами Кострецкого. Запущен донельзя. Косматый, землисто-бледный, заросший седой щетиной Кошей. (Так и хочется сказать «Бессмертный», но этот бренд уже намертво застолбили на высшем уровне.) Ну ладно, щетину спишем на то, что популярный политический деятель своим внезапным звонком не дал мне добриться. А зеленоватое лицо и стоящие дыбом волосы – на вполне понятное волнение от разговора с ним. Но, как себя ни оправдывай, никуда не денешься – придётся в оставшиеся дни навестить салон красоты.

Это была одна из тех редких минут, когда я жалел, что одинок и не имею потомства. Что нет никого, кто позаботился бы о моём внешнем виде и оценил его объективно, со стороны. Такой ответственный момент – и делай всё сам.

Я попытался пригладить торчащие во все стороны седые космы – и вдруг хрипло расхохотался. Да, подумал я, Игорь Кострецкий действительно гениален. Его изобретение – красота и здоровье, возведённые в ранг государственной политики – куда лучше охраняет существующий строй, чем любая – даже его собственная – карательная система. Пока мужчины вынуждены заботиться о внешности, им не до революций.

2

Ещё немного о себе.

Как-то неохота выглядеть в глазах россиян совсем уж законченным упырём. Нет, я не такой. В своё время и я был женат, и, представьте себе, аж два раза!

Фарс и трагедия. Что хуже – даже теперь не берусь судить.

Моя первая жена училась на психолога. Казалось бы, совет да любовь, смежные профессии. Ан нет. Очень скоро я понял, что обмен мнениями о каком-нибудь остром докладе с полуподпольной конференции гештальтистов – совсем не то же самое, что совместная жизнь. Этот её постоянный аналитический зуд... Она ж мне буквально проходу не давала. Стоило расслабиться и ляпнуть что-нибудь невинное, сущую мелочь, например: – Отличная сегодня погодка! – как начиналось:

– почему я хочу поговорить о погоде?

– почему именно такая погода кажется мне отличной?

– какое детское впечатление может лежать в основе этого чувства? (давай подумаем)

– что для меня вообще означает термин «отлично»?

– и т. д. и т. п. Если же я не выдерживал и взрывался, то следовал глубокомысленный совет, страшный именно тем, что я-то как врач понимал его смысл в полной мере: поискать

источник болезненного раздражения в отношениях с матерью, – ну, а если и это не поможет, сходить в районную поликлинику и провериться на яйца глист, чтобы исключить возможную соматическую причину.

Боже, как я завидовал своим приятелям! У них были уютные, теплокровные половинки – учителя, продавцы, младшие бухгалтеры, – а стало быть, обычные семейные ссоры и склоки! Я мечтал о такой ссоре, пусть даже с рёвом и мордобоем, но которая разрядила бы наши отношения, очистила их и освежила, как летняя гроза. Но увы. Поссориться с Ольгой было невозможно. Любой наезд она мгновенно превращала в бесплатный семинар по саморазвитию, в долбаный тренинг личностного роста. Моего. Я недоволен бардаком в доме? Грязной посудой? Ну что ж, это большая удача – у меня появился редкостный шанс хоть немного расширить восприятие себя, мира, себя в мире и мира в себе. Для этого я должен сперва осознать, затем принять, а потом и воплотить в жизнь все свои грязненькие, уродливые желания, мечты, помыслы и устремления. Тогда их кривые внешние отражения, вроде невымытой тарелки, перестанут меня раздражать – ведь, как известно, всё, что мы видим вокруг, суть мы сами.

Кстати – а что это у меня за желания такие?.. Ольга знала меня довольно хорошо, поскольку я любил её и старался быть с ней откровенен. Но вот беда – я никогда не изменял ей. Это настораживало, заставляя задумываться о моей глубокой порочности, тщательно скрываемой мною от меня же самого.

Впрочем, иногда она спохватывалась. Ведь, как известно, спутник жизни – одно из самых беспощадно-правдивых наших зеркал. А стало быть, «грязные наклонности» есть – ну просто должны быть! – и у неё. Теперь мы менялись ролями, словно в психодраме, и уже я вынужден был часами выслушивать бесконечные цепи свободных ассоциаций жены и её детские воспоминания. Я не мог скрыться от них даже в туалете – она кричала мне через дверь. Ближе к ночи, перетряхнув все карманы своего запасливого подсознания, она докапывалась до какого-нибудь вопиющего детски-инцестуозного случая с участием её папаши, милейшего седого человека с лицом и характером овцы, которому, я уверен, даже и в страшном сне не мстилось, что где-то на белом свете могут твориться такие ужасы, как инцест. Зато саму Ольгу это радовало несказанно – и всякий раз после такой «сессии» меня ждала умопомрачительно бурная ночь.

Возможно, мы так и прожили бы вместе до старости, терзая, презирая и анализируя друг друга – я человек терпеливый, – если б в один прекрасный день она не обнаружила, что психоанализ – это полная туфта, ну, а будущее за телесно-ориентированной терапией. Терапевтов оказалось сразу двое – оба её однокурсники, отличники. Этого я снести уже не мог. Я, видите ли, брезглив-с – несмотря на трёхлетний тренинг меня тараканами в бутербродах, сизымы посередке простынями и общим бритвенным станком.

Недолго музыка играла. Но вот что забавно. Сейчас я, почти вековой дуб, вспоминаю те давние дни чуть не со слезами умиления. Смешно всё это было – наивно – и хорошо. Кстати, со временем у нас с Ольгой сложилось очень тёплые отношения, мы часто перезванивались и я помогал пристраивать в ВУЗ её сына – от третьего, что ли, брака (Пашка, хороший был пацан. Теперь большой человек, профессор кардиохирургии).

Совсем иное дело – вторая жена. Я стараюсьшний раз не выпускать её из погреба прошлого. Я не знаю, как она жила после меня, была ли снова замужем, рожала ли, когда и как умерла. Не знаю – и никогда не интересовался. Я даже не помню, любил ли я её. Наверное, любил, раз женился, хотя и не факт. Глупо, конечно.

Вспоминать, а уж тем более говорить о ней мне очень тяжело. Но придётся – иначе я получаюсь тут совсем какой-то несуразный.

Эх, Лизочка... Эту тихую девочку как следует воспитали родители, ну, а я уж доломал. Мне было за сорок, ей – не исполнилось и двадцати, но, бьюсь об заклад, случись даже наоборот, соотношение сил ничуть не изменилось бы. В неё вбили, что она должна хвататься

за первого, кто сдуру обратит на неё внимание. Вероятно, тёща, весьма яркая дама, ревновала к её расцветающей юности. В общем, досталось девчонке.

Она так старалась мне угодить, что потакала любым идиотским прихотям – не только высказанным вслух, но и тем, что, подобно смегме, копились в самых потаённых уголках моей довольно примитивной натуры.

Старого пердуна потягивало на свежесть и невинность – и она, поняв это, полностью отказалась от косметики, хотя умеренный макияж ей очень шёл. Чуть позже мне, усталому потасканному хмырю, показалось (не без основания), что я буду смотреться смешно и глупо в роли «женишка». И девочка, проплавав ночь, пожертвовала ради меня красивой церемонией и намечтанным с детства платьем, «как у принцессы». Спустя три месяца после сухого и корректного акта бракосочетания я, хоть и не новенький, но всё же самец, решил, что в моём возрасте тянуть опасно. Я хотел иметь потомство. И что вы думаете, первый и главный рубеж на пути к заветной цели мне удалось преодолеть на удивление быстро. Но вот тут-то и начались проблемы весьма оригинального толка.

Лиза, как и я, была единственным ребёнком у родителей. Стоит ли говорить, с каким нетерпением старая гвардия ждала появления внука. Как водится, это ожидание было не пассивным: едва пол будущего младенца определился, на нас со всех сторон посыпались пожелания.

Имя в нашей культуре даётся, как правило, раз и навсегда, и – говорю как специалист – во многом определяет характер, а стало быть, и судьбу человека. Дело нешуточное. Лизина семья предлагала на выбор Владика, Илью и Диму. Моя мама – Женю, Тараса и Михаила, ну, на худой конец Борюсика. Мне хотелось Ивана, но из уважения к старшим (а я их уважал!) я согласен был и на Дмитрия, которого облизывался тишком переделать в Митю, моего друга детства. Ну, а Лиза... а что Лиза? Все участники семейного совета, включая старого мраморного дога Арамиса, отлично знали, что никакого своего мнения у неё нет и быть не может.

Но как же мы были шокированы, когда это тихонькое, послушное (а теперь ещё и жутковатое на вид, всё пятнистое, со вздутыми губами и огромным пузом) существо бочком-бочком протиснулось в кухню, где за чайком и запрещёнными кой-кому пирожными вовсю шло весёлое обсуждение, – и тоненьким, дрожащим, но непреклонным голоском заявило: мол, не нужно никакого голосования, вытягивания бумажек и ломания горелых спичек, у сына, Её сына, вот уже лет десять как есть имя – Альберт, и никем другим он быть не может – иначе это будет кто-то чужой, не её ребёнок.

Все ошолбенели от такой наглости. Особенно возмущалась тёща: – Вот дурёха, сериалов насмотрелась! «Альберт»! Это ж надо выдумать такое имечко дурацкое!..

Я же если и молчал в первое мгновение, то лишь потому, что временно утратил дар речи. Ужас положения заключался в том, что вот для меня-то как раз имя «Альберт» было абсолютно неприемлемым. Именно Альберт. Какое угодно, только не это. По личным причинам. Личным, но непреодолимым. О которых мне хоть и не хочется, но придётся рассказать здесь. Но не прямо сейчас, дайте собраться с духом, пожалуйста.

А пока продолжаю. Когда первая волна транса, вызванного её словами, схлынула, я упёрся. Жёстко сказал «нет». Никого обидеть я этим не рисковал – слава тебе господи, претенциозный, ненашенский «Альбертик» одинаково не нравился как её родителям, так и моей уступчивой, деликатной маме. Сообща мы её (не маму, конечно) заломали. Предложили в качестве компенсации Антошку – он тоже на «А». Вроде бы согласилась. Успокоилась – как нам показалось. Но осадочек остался. До самой ночи мы не могли забыть о случившемся – и то один, то другой из нас вдруг ни с того ни с сего принимался качать головой и посмеиваться, вспоминая этот её неожиданный, некрасивый, ни к чему не идущий демарш.

Впрочем, скоро эти проблемы отодвинулись на задний план. У Лизы пошли неожиданные и «чреватые» осложнения (в подробности я как тогда не вникал, так и сейчас не собираюсь),

и тёща присунула её в престижную клинику, где у неё был то ли дальний родственник, то ли просто «хороший друг, по гроб жизни ей обязанный» (это уж её личное дело, чем). Отличное обслуживание, лучшие, именитые профессора – и всё равно мы, что называется, на ушах стояли. Наволновались! Может быть, поэтому я не придал (или придал недостаточно) значения многословным и слезливым письмам, что потекли оттуда чуть ли не сразу после её – в общем-то, благополучного – разрешения; впоследствии я их стёр, но кое-что вытравить из памяти так и не смог, его не берут даже новейшие мнемотехники:

«...знаешь, Толик, мне тут сон приснился. Лежит ребёнок весь мокрый и кричит, мне папа говорит: „Иди скорее, там Дениска плачет“, я отмахиваюсь, потом ещё кто-то: „Иди, твой Женька весь мокрый“, я просыпаюсь, а малыш плачет, и я, ещё не разобравшись, думаю: что же они мне не сказали, что мой плачет, про других говорят, а про моего не сказали. И я сама плачу, полчаса проплакала, хорошо, что это ночью было и никто не видел. Пожалуйста, не проси меня придумывать сыну новое имя, я не могу этого сделать, как не могу придумать другого имени тебе или себе».

Все эти сопли я списал на банальную послеродовую депрессию – и ничуть не насторожился, я ведь и подумать не мог, что она способна послушаться нас, самых близких и родных.

Дома всё как будто пошло нормально. Лиза, хоть и замученная хроническим недосыпом, казалась счастливой и довольной, никто не вспоминал о давних спорах, малыш с каждым днём всё необратимее становился Антошкой, Тосиком. Я, правда, замечал, что жена избегает называть сына по имени, больше сюсюкает и гулит. Меня это скорее смешило, чем раздражало. Но, о господи, какой же удар поддых я получил, когда в один прекрасный день выяснилось, что эта ведьма тайком, прихватив мои документы, сходила куда надо (а я, старый чудака, и до сих пор не знаю, куда в таких случаях ходят-то!) – и всё-таки ухитрилась втюхать нам своего чёртового Альберта!

Я был в ярости. В шоке. Не знаю, как это назвать. Я ведь её просил... Правда, я не рассказывал ей предыстории. Но она, казалось мне, и так должна пойти навстречу, раз я прошу. Это же естественно. Ведь я её муж. Я не разговаривал с ней два месяца. Просто не мог. А потом случилась эта трагедия (трагедия? трагедия?... Сейчас я уже ничего не чувствую). От горя я забыл молчать. Я прямо её обвинил. Кричал, что она виновата, что я ведь предупреждал её и вот из-за её упрямства имя повлияло... Называл убийцей. Потом ушёл (благо мне хватило ума не прописаться в их квартире). Я видеть её не мог. Сразу собрал вещи и уехал домой. Какое-то время глушил не просыхая, но, слава богу, сумел вовремя прекратить. Старики на коленях ползали – умоляли нас помириться, да и сама Лиза, кажется, была не против, – но для меня – после всего случившегося – это было просто физически невозможно.

Никто так и не понял, что со мной произошло. Ещё бы, они ведь не знали *ту* историю. А рассказать я им не мог. Я этого никогда и никому не рассказывал. Даже самому себе. Бывают такие моменты в жизни, куда мы боимся заглядывать лишний раз. Это не всегда что-то серьёзное. Не обязательно преступление или подлость. Это может быть сушая мелочь. Мне даже кажется, что это, как правило, и бывает мелочь. Но такая, что способна изгрызть душу хуже самого страшного злодеяния. Так было и у меня. Именно тогда я понял, что банальный стыд может влиять на человека куда сильнее любых соображений здравого смысла, не говоря уж о милосердии и нравственных принципах. Кто этого не испытал – вряд ли поймёт.

Но, кажется, пришло время, наконец, поведать вам этот чёртов эпизод. Благо теперь я могу делать это почти безболезненно. И, что самое приятное, безбоязненно.

Для удобства выделяю его отдельной подглавой:

СЛУЧАЙ С АЛЬБЕРТОМ

Я уже упоминал здесь о моей «прямой линии», где я даю частные консультации. Во времена моей юности это называли бы «службой экстренной психологической помощи» или попро-

сту «телефоном доверия». Работаю не бесплатно – у меня стоит фиксированный гонорар с каждого входящего плюс повременка. Очень выгодно. Но в ту пору, о которой я хочу рассказать, о подобном бизнесе и речи быть не могло – да и само понятие «телефон доверия» только-только начало приживаться в Советском Союзе.

Вернёмся на шестьдесят пять лет назад. 1987 год – не больше четырёх номеров «телефона доверия» по Москве. Меж тем в Европе подобные службы известны по меньшей мере со второй мировой войны. Впоследствии такое наше отставание будут объяснять «условиями социально-психологической и политической атмосферы», – а попросту говоря, тем, что тогдашнее время, ориентированное на грубый позитив, не позволяло жалоб и нытья. Не знаю. Нынешний режим ещё и пооптимистичнее будет, однако власти не только не запрещают мою «прямую линию», а, даже, наоборот, поощряют подобный род деятельности. Но я, кажется, сбился с мысли.

Итак, 1987 год. Я – двадцатитрёхлетний дипломник медвуза, ещё чуть-чуть поднатужиться – и готов психотерапевт. Первый в жизни серьёзный научный труд на ста страницах – это вам не хухры-мухры. Как и всякому нормальному юнцу, мне до жути хочется выпендриться. А так как студент я более чем средний, звёзд с неба не хватаю, то совершенно ясно – выпендриться я могу только за счёт оригинальности темы.

Только ли эта причина?.. О нет, ни в коем случае! Модное новшество действительно всерьёз увлекало меня. Уже тогда я, совсем зелёный, видел те огромные преимущества, что даёт система телефонного консультирования. Во-первых, анонимность – думаю, прелесть её объяснять не нужно. Потом так называемая вербальность – невидимый пациент, вынужденный объясняться только на словах, поневоле старается формулировать свои проблемы чётко и ясно, а это – уже половина их решения. Доверительность, интимность – ну как тут не расслабиться, когда кто-то сильный, опытный и надёжный мягко и вкрадчиво наборматывает тебя всякие утешительные вещи прямо в ухо?.. Ну, и самое главное: мелкие изъяны внешности этого всезнающего гуру – лысина, лишний вес, неправильный прикус, прыщики, поры, морщинки, бородавки и прочее – остаются за кадром, не мешая терапевтическому процессу. На этот счёт я, признаться, и теперь болезненно стыдлив.

В деканате мою тему одобрили и посоветовали как можно скорее приступить к практическим исследованиям. Собственно, меня вовсе не нужно было понукать – я сам рвался в бой. Но тут меня ждала неожиданная загвоздка. Ни в одной из четырёх действующих на то время московских телефонных служб со мной не захотели иметь дело. Ни в каком качестве. Не помогали ни официальные запросы на красивых бланках, ни личные звонки декана – ответ всегда был один: «Это вам не игрушки». И они были абсолютно правы. В то время это была, по сути, суицидологическая служба. Я-нынешний и сам бы себя-тогдашнего не допустил до неё ни за какие коврижки. Но тогда я был в отчаянии. Тема срывалась, а придумывать новую, да ещё после того, как я бурлил и пылал энтузиазмом в деканате, казалось мне слишком унижительным.

Словом, хоть сам звони по указанному номеру и плачься на свои неурядицы. Я, юноша весьма трепетный, и впрямь был близок к тому, чтобы наложить на себя руки. И вдруг... мне улыбнулась неожиданная удача.

Напомню, то была середина восьмидесятых прошлого века – начало недлинного периода, вошедшего в историю под именем перестройки. Сейчас уже мало кто помнит то время. Иные померли, иные блаженствуют в глубоком маразме (увы, но бодрячки вроде меня – исключение даже в наш слишком здоровый век!), иные – вполне ещё лихи и благополучны, но их сугубо частные воспоминания проникнуты таким ребяческим эгоизмом, что по ним никак нельзя восстановить даже очень субъективную картину эпохи. Вот он, огромный минус долголетия – с каждым днём всё меньше остаётся тех, кто помнит и хранит в сердце дорогую тебе атмосферу.

Большинство же из тех, кто пришёл позже, оценивают правление тогдашнего российского лидера Михаила Горбачёва – и саму перестройку как явление – неоднозначно. Весьма неоднозначно. Если не сказать – резко негативно. «Разрушитель», – говорят они. Не знаю, может, эти люди и правы. В моей же памяти эта краткая пора напитана чистой радостью ещё неведомой свободы, упоительным коктейлем сродных ей звуков и ощущений – свежего тёплого ветерка на лице, весеннего звона, птичьего гомона, смеха и солнца; впрочем, не настаиваю – возможно, я сам отношусь к той категории, над которой иронизирую, и дело просто в том, что это были последние годы моей спокойной, счастливой, ничем не омрачённой юности – до того, как в ней случилось «то», заставившее меня резко и бесповоротно повзреть.

Но только, пожалуйста, ещё не прямо сейчас – дайте хоть на чуть-чуть, хоть на два абзаца окунуться в то невозвратимое молодое блаженство.

87-й год!.. Моя весна и – всё же позволю себе выразиться так – весна в государственном масштабе. Впервые в свои двадцать три года я перестал скукоживаться в инстинктивном ужасе, слыша загадочный и грозный гул пролетающего вдали самолёта. Где-то – в «Комсомолке», что ли? – прошла информация, что знаменитая в узких кругах гадалка, некая цыганка Арза, нагадала Горбачёву жить до ста лет, – а газеты и цыгане, как известно, никогда не врут. «Ура!!! – галдели во дворе арифметически подкованные дети, – значит, ещё сорок пять лет будет мир на Земле!» Старшие приволокли откуда-то загадку: «Что будет, если ударить молотком по родимому пятну?» – «Ну, и что? Очень больно?» – «Нет: хана перестройке». А в Апокалипсисе, говаривали, есть пророчество: «...придёт к власти Мишка Меченый и наступит конец света». Впрочем, последний обещался только к 2000 году – далёкая и нестрашная перспектива.

А сколько всего нового, сколько открытий и удивительных экспериментов в самых разных областях! Я сам наблюдал, как немолодые дяди и тёти, слушая выступления педагога-новатора Шаталова, с шумом сморкались в платки, оплакивая свое даром загубленное детство! В чопорном, назидательном «Здоровье» вдруг напечатали ошеломительную статью под красноречивым заглавием «Апогей» – с весьма игривой картинкой, которую я поспешно загнул и заколол для верности булавкой, ибо ещё не завёл себе подружки. С ещё более смешанными чувствами читал я разворот в другом популярном издании – о подвальной субкультуре: «Труба зовёт. Все на тусовку!» – и смотрел в «России» шокирующую ленту Юриса Подниекса «Легко ли быть молодым» – как скажут позже, визитную карточку перестроечного кино.

– Ой, нелегко, братец! – смело мог бы ответить современному латвийскому режиссёру я, несчастный юноша, чья дипломная тема, так любовно выношенная и выстраданная, грозила вот-вот накрыться медным тазом. В сравнении с этой угрозой возня вокруг всех этих «подвалов», «сейшенов», «неформалов» и прочих атрибутов тогдашней молодёжной проблематики казалась мне слегка надуманной.

Но чёрт подери, как же быстро я переменял свои взгляды, узнав, что в нашем микрорайоне – в рамках эксперимента «Юниор» – заработала служба экстренной социально-психологической помощи детям и подросткам – то есть, проще говоря, молодёжный «телефон доверия»!

Это было чудо какое-то. Всё вдруг пошло, как по маслу. То, что казалось невозможным на солидном городском уровне, решилось теперь до смешного легко и просто. Несколько звонков из деканата – и меня взяли в новую службу стажёром. Правда, без оклада. Но я за этим и не гнался. Я готов был приплачивать за такую возможность сам. Каждый вечер я, как ошпаренный, мчался в «офис», где уже дожидались меня мои дорогие, обожаемые тётеньки – Лида, Галя и Наташа. – Ну, как дела в школе? Покажи дневник, – сладенько язвили они, прихлёбывая чаем ужасный, с пошлыми розочками торт «Победа». – Я оскорблялся: – Вообще-то я уже на шестом курсе. И у меня каникулы. – Тёти хихикали, переглядывались, толкали друг друга в бока и тихонько прыскали в шербатые чашки.

Сейчас-то я понимаю, что они были ещё очень и очень молоды. Вряд ли старшая из них, Наталья, успела вшагнуть в ягодный возраст. Но в ту пору мне, желторотому юнцу, было с ними уютно, как у бабушки на печке. Ничего лучшего я, признаться, и не желал.

«Офис» наш располагался недалеко от метро «Маяковская» – в огромной гулкой квартире на первом этаже дряхлого, но всё ещё престижного сталинского дома. Сколько в ней было комнат, я так никогда и не узнал (боюсь, что не знали этого и сами тётеньки) – углубляться туда слишком подробно мне мешал иррациональный суеверный страх перед её зовущими чернотами и толстыми слоями дремучей пыли, перемежавшими, казалось мне, временные слои, словно папиросная бумага – страницы Большой Советской Энциклопедии. Зато кухня была обжита превосходно. Там, на уголке массивного дубового стола, меж грязными чашками, пепельницами и тортовыми коробками жило орудие труда – ярко-красный телефонный аппарат. Другой, бежевый, пасся у подножия чёрного кожаного дивана в просторной прихожей, где я любил уютно устроиться с книжкой – отдыхал от научных трудов. Тётеньки уважали моё уединение – и плотно закрывались от меня полупрозрачной дверью, сквозь которую всё равно нет-нет да и проникал их весёлый гвалт, взвизгивания и бурные взрывы хохота.

Иногда – если им было особенно неохота прерывать своё веселье, – мне доверяли отвечать на звонки.

Это было как раз то, о чём я мечтал. В своей дипломной работе я хотел коснуться не только несомненной полезности телефонной службы в психологическом оздоровлении населения, – но и влияния новых условий на личность самого терапевта, для чего мне важно было отследить тончайшие оттенки субъективных ощущений, эмоций, чувств. Никакие застольные разговоры с тётеньками не дали бы мне такого «опыта изнутри». А тот, надо сказать, принёс много сюрпризов. Кое-что из того, что прежде казалось мне явным плюсом телефонной работы, вдруг показало неопрятную изнанку – например, «вербальность» на практике обернулась существенной потерей диагностической достоверности, «анонимность» – досадной невозможностью проследить динамику выздоровления, а пресловутая «интимность и доверительность» порождала массу проблем в виде перманентного, ни к чему не ведущего девчачьего нытья.

Зато открылись и неожиданные преимущества, о которых я прежде не догадывался. В кои-то веки я сумел припрятать свою сверкающую молодость за (откуда что бралось?) басовыми нотками и менторским тоном. Я был в этом так ловок, что даже коварная Галя, в ревизионных целях прикинувшаяся однажды грубым и косноязычным парнем, которого ежедневно порет отец-алкоголик (воображение у неё было ещё то!), смиренно признала, что я – «серьёзный спец».

Чего я – увы – не мог сказать о ней. Я был тогда весьма суровым и высокодуховным юнцом – и однажды едва не пришиб добрую тётю, наблюдая, как та, большой влажной ладонью зажав раструб несчастного орудия, откуда доносится тихий бубнёж какого-то измученного половым созревaniem бедолаги, вполголоса продолжает прерванный на самом пикантном месте анекдот, свободной рукой одновременно придерживая умирающую сигарету и выскребывая ложкой остатки винегрета из глубокой эмалированной кастрюли. (Винегрет – помимо торта – был основным блюдом в нашем рационе: его приносила из дому Лида, стряпавшая его в каких-то ирреальных количествах – всякий раз она жаловалась, что её «оглоеды» опять не смогли осилить любимое кушанье за вечер, вот и пришлось тащить на работу остатки, «чтоб не пропали». Оглоеды были олухами – готовила Лида великолепно. Всю жизнь я терпеть не мог винегрета, навевавшего мне сомнительные ассоциации, но теперь пристрастился к нему, аки тот наркоман, и мои тётеньки – когда я снисходил до их общества – с умилением смотрели, как я за обе щёки уписываю его из большущей антикварной тарелки с мелкими розочками по борту, понемногу сползая на самый край огромного чёрного кресла с массивными поручнями.)

Лишь много лет спустя я понял, что требовать от них чопорности и серьёзности было так же глупо, как от работницы телефонной секс-службы – чтобы она по ходу разговора действительно снимала с себя французское кружевное бельё. Они были настоящие профи, профи высокой пробы – и хорошо знали, кому, что, как и когда сказать, чтобы залатать дыры и не навредить. Один я, высокомерный и зацикленный на своих переживаниях недоросль, мог не видеть этого. Равно как и того, что я для них – вовсе не «ценный специалист» (как я самонадеянно думал), а, скорее, подброшенная какими-то добряками мина замедленного действия. Я был так глуп, что даже не задавался вопросом, почему меня почти никогда не оставляют без присмотра – когда я «веду приём», кто-то из тётенок обязательно ошивается на диване с сигаретой или бродит туда-сюда между кухней и санузлом.

(Возможно, мне казалось, что они попросту набираются у меня мастерства?..)

Что же случилось в ту пятницу – чернейшую в моей жизни? Куда они, дурёхи, намылились всем кагалом? что их торкнуло, заставив утратить обычную бдительность? Теперь, спустя шестьдесят пять лет, и не вспомнить – да, в общем, и незачем. Но до сих пор с болезненной лёгкостью восстанавливаю перед внутренним взором всю картину: как они противно-лицемерными голосами щебечут: – Ты у нас уже большой мальчик! – тут же, забыв о том, что я «большой», оттягивают ворота блузок и прыскают туда пахучими спреями – и с шумом и смехом вываливаются за порог, пока я медленно осознаю, что впервые остаюсь один на один с этим громадным и пугающим порождением сталинского кича.

(Мне невыносимо грустно думать – а посему я стараюсь не думать – о том, что, не поступи они так, невытравимая печать стыда и вины не легла бы в тот день на мою душу, – а, стало быть, я не был бы сейчас обречён на одинокую старость – и внучата мал-мала меньше бегали бы в эту минуту вокруг моих ног, дёргали за штанины и радовались: «Дедуля, дедуля!!» Трогательная картинка. Возможно, даже и к лучшему, что она воображаемая. Я – человек замкнутый и терпеть не могу шума и суеты.)

Но продолжим, раз уж начали.

Закрыв за ними дверь, я тут же ощутил томительное, зудящее беспокойство. Как-то надо было распорядиться этим неожиданным подарком, сделать что-нибудь эдакое, невозможное при тётеньках, – но я всё никак не мог придумать – что именно, и мною только всё больше овладевала досада оттого, что ценные секунды утекают сквозь пальцы. Я понимал, что потратить их на чтение брошенного мною на диване «Графа Монте-Кристо» было бы преступнейшим расточительством, но куда их ещё девать – не находил.

На миг меня охватило страшное искушение – вскрыть, наконец, хотя бы одну из этих угрюмых, глухих, пыльных дверей, смутно белеющих в сумраке коридора, за которыми наверняка ждут меня удивительные открытия и уйма чарующих кладов. Во мне ещё не успел умереть ребёнок, коему минутная рассеянность матери сулит массу волнующих приключений, – и теперь он высунул наружу встрёпанную русую головёнку и жадно озирался по сторонам. Но тут же скептический взрослый взял верх, упихнув его обратно суровой дланью – и заметив себе, что насчёт кладов-то ещё бабушка надвое сказала, а вот что от малейшего неловкого движения в этой дряхлой сталинской пещере может обрушиться потолок – сомнений не вызывает. Моральная ответственность за души человеческие – это одно, но отвечать карманом за порушенные архитектурно-культурные ценности я не хотел.

Так ничего и не придумав, я принялся попросту медленно бродить туда-сюда по тёмному коридору, иногда в задумчивости замирая и трогая пальцем пыльную стену. Понемногу я начал впадать в забавное состояние, подобное трансу. Мною всё больше овладевало странное, тревожное и вместе с тем приятное ощущение, будто я потерялся во времени – и, стоит только толкнуть одну из дверей, выйду куда-то, где я ещё – или уже – не родился, в какое-то условно существующее место или час, который я знал, но забыл. Возможно, это чувство было вызвано давящей тишиной, подобной которой я ни до, ни после не встречал в московских домах, да

и нигде. Здание было выстроено на славу, его стены были толсты и прочны, окна с одной стороны выходили в тихий переулочек, с другой – в не менее тихий дворик, сейчас они к тому же были плотно задрапированы шторами, ничто из внешнего мира не проникало сюда, не было слышно даже шуршания шин, даже голосов соседей – только ровное, на высокой ноте, гудение безмолвия в моих ушах. Абсолютная тишина.

Внезапно её разбил резкий звук зуммера, показавшийся мне – видимо, от неожиданности – неестественно громким.

Странно, но вместо того, чтобы обрадоваться и опрометью кинуться к его источнику – что было бы единственно адекватным действием, – я столбом застыл там, где он застал меня – посреди полутёмного коридора, – лихорадочно вытирая о джинсы мгновенно повлажневшие ладони и с испугом глядя в сторону освещённой части прихожей, откуда раздавалось трещание аппарата.

Такая реакция на знакомый раздражитель удивила даже меня самого. Со мной происходило что-то непонятное. Я чувствовал, что мне почему-то не хочется брать трубку, а ведь работал здесь уже не первый месяц. Сердце отчаянно колотилось. Вообще-то я привык доверять своей интуиции – как я уже говорил, она у меня функционирует наподобие электровеника. В голове пронеслось, что я – всего-навсего стажёр, а, стало быть, не имею права на самостоятельность; что без моей пометки в «вахтенном журнале» тётеньки всё равно ничего не узнают; что, в конце концов, в эту минуту я мог серьёзно заседать в интимном кабинете – ну и, в общем, что я – взрослый свободный гражданин свободной (да, свободной!) страны. Мы все уже понемногу начинали приучаться к спущенной нам сверху лучезарной демократии.

Однако в следующий миг я жёстко поборол дурацкую слабость – сколько раз потом я ел себя за это! – нарочито решительным шагом вошёл в прихожую, плюхнулся на диван, схватил трубку, откашлялся – и, как всегда, заученно-бодрым тоном с доброжелательной ноткой произнёс:

– Служба доверия слушает!..

– Добрый вечер, – ответил мне очень серьёзный и тонкий голос, который я поначалу принял за девичий (и обрадовался – со всякими сикучками у меня особенно хорошо получалось!). Но тут же понял, что разговариваю с ребёнком, мальчиком. Тот, видно, заранее готовился к разговору – было впечатление, будто он читает по бумажке:

– Меня зовут Альберт... Альберт Тюнин. Мне десять лет. Я хотел бы с вами посоветоваться по одному очень важному вопросу...

Он явно был из «вумных» детей, может быть, даже вундеркиндов – это было ясно по его взрослым интонациям, я так и видел его – круглолицый серьёзный мальчик в очках читает написанную старательным крупным почерком шпаргалку, глубоко вздыхая после каждой фразы. Но вот он дочитал её, а что говорить дальше, не знал – то ли был застенчив, то ли вопрос и впрямь был важным, видимо, он понадеялся на вдохновение, а оно его подвело в самый критический момент, – в общем, после слова «вопросу» он вдруг замолчал, и я только слышал, как он дышит в трубку – размеренно, не по-детски тяжело, то ли собираясь с мыслями, то ли просто ожидая хоть какого-то отклика.

Надо было чем-то подбодрить его, я понимал это – но почему-то не решался нарушить паузу и тоже молчал и дышал. Дело, видимо, было в его возрасте. Я и сейчас-то с детьми не особо умею, а тогда вообще их побаивался. Будь у меня свой, хоть годовалый (а что, многие мои однокурсники были уже отцами со стажем!), процесс, несомненно, пошел бы легче. А так этот Альберт, чёрт бы его подрал, казался мне существом с другой планеты – и я уже клял себя за то, что не послушался внутреннего голоса.

Как раз когда я вроде нащупал линию поведения – решил, что, пожалуй, правильнее всего, раз уж мне попался «вундер», вести себя с ним как со взрослым, на равных – он снова нарушил молчание:

– Алё?..

Тонкий вопросительный голосок. – Я слушаю тебя, Альберт, – с профессиональной теплотой в голосе ответил я, хотя больше всего мне хотелось малодушно бросить трубку на рычаг.

Про себя я вяло гадал, какие у этого щекастого очкарика могут быть проблемы. Получил четвёрку за контрольную по химии? Одноклассники дразнятся «тормозом», а соседский Васяка опять отобрал деньги на школьные завтраки? Мама не разрешила разобрать старый телевизор на детали для транзисторного приёмника?.. Что-то иное?.. Такое, чего я, простачок, даже представить себе не могу?..

Внезапно я ощутил прилив острой, почти неконтролируемой ненависти. У нас в классе тоже был такой – Миша Мухин. Вечно побеждал в каких-то олимпиадах. В десять лет знал как свои пять пальцев астрономию. Обыграл в шахматы физика, желчного бородатого барда, который к нему одному только и питал нежность. Нельзя, правда, сказать, что Мишина жизнь была такой уж сахарной. У него имелось одно слабое место – болезненная раздражительность. Зная это, наше хулиганье обожало его доводить. Вертятся вокруг него, кривляются, а девчонки стоят полукругом и хихикают, покуда он не дойдёт до кондиции – и, весь багровый, с рёвом не бросится на них. Тут они пускались наутёк – можете представить себе это шоу: стадо расстрёпанных сикух с диким визгом и топотом мчится по коридору в тубзик, а за ними, потрясая кулаками – разъярённый Муха. Умора! И всё же я смертельно ему завидовал. Ненавидел и завидовал. Сам-то я никогда его не доводил – я тоже был человеком умным и серьёзным. Неплохо учился, иногда удавалось окончить четверть на «отлично». Но вундеркиндом-то меня никто не называл, вот в чём трагедия.

Я вздрогнул, вдруг осознав, что допустил «контрперенос» (перенесение своих чувств и эмоций на клиента). Грубейший промах, недостойный профессионала! Попробовал собраться. А на том конце провода вдруг послышались какие-то сдавленные звуки – и я мгновенно простил вундеркинду все его грехи, дотумкав, что он попросту разревелся, как самый обычный ребёнок. Невзирая на гордыню и непомерный апломб, сердце у меня было (да и осталось) довольно жалостливое.

– Что же случилось у тебя, Альберт? – спросил я уже с неподдельным участием. И похолодел, разобрав еле связный ответ сквозь его тоненькие, совсем уже не взрослые и не умные всхлипывания. Ему страшно. Он скоро умрёт. Он не хочет умирать. Он не знает, что ему теперь делать.

Почему же он так уверен в том, что скоро умрёт, осторожно спросил я. Мною владела сладкая надежда, что это какие-то обычные детские страхи, которые любому взрослому ничего не стоит развести руками, – что мальчик, скажем, проглотил жвачку, стащил из родительской спальни свежий номер журнала «Здоровье» со статьёй о полинуклеозе, ну, или что-нибудь в этом роде. Но следующий миг аккуратным ударом разбил мои красивые иллюзии. Я лишь тихо поражался, с какой чудесной быстротой Альберт за краткое время передышки успел почти полностью вернуть себе вундеркиндовские интонации.

Он, оказывается, тяжело болен. С рождения. Что-то с почками (в медицине его познания, к счастью, оказались не так велики, как в астрономии, за что я мысленно поблагодарил судьбу и его родителей). Хорошо, допустим, ну и что теперь? (спросил я, всё ещё на что-то надеясь). Все мы чем-то больны, но многие доскрипывают и до ста. Нет, это не о нём. Несколько дней назад он подслушал разговор через неплотно прикрытую дверь кабинета – и кое-что узнал. Врач сказал, что через год-другой, когда начнётся «пубертатный период» (жуткое звукосочетание), а вместе с ним и общая перестройка организма, следует опасаться летального исхода. Чёрт бы её подрал, эту детскую эрудицию. Но, может быть, он что-то не так понял? Нет, он пытался потом расспросить маму и бабушку – ведь жизнь устроена так, что самого плохого в ней никогда не случается. Но те с мужественными улыбками наговорили ему такой ерунды, что ему пришлось смириться с неизбежностью. Он был обречён.

Ему и впрямь некуда было больше обратиться. Он был совершенно одинок в своих кошмарах. Случайно ему попала в «Пионерской правде» заметка о нашей службе, и он, улучив свободную минутку (что было не так-то просто, ибо его редко оставляли в покое), решился набрать номер. И вот так случилось, что вместо того, чтобы попасть на тётю Гаю, или тётю Лиду, или тётю Наташу, которые, может статься, по-матерински, по-бабьи, одной своей инстинктивной мудростью утешили бы его и смогли примирить с неизбежным, он напоролся на меня – честолюбивого, неопытного, душевно холодного студента-дипломника. Да, маленький Альбертик и впрямь родился под несчастливой звездой!

Я был молод, абсолютно здоров и, несмотря на некоторое чисто юношеское позёрство, жизнерадостен. За два с лишним месяца работы у меня сформировались свои предпочтения по части клиентуры. Легче всего и с наибольшим удовольствием я решал проблемы девчачьей любви к эстрадным артистам Александру Серову и Валерию Леонтьеву. Я щёлкал этих двоих, как орешки, даром что и сам слушал их песни не без отрадного чувства. Смерть же в любом своём проявлении – а уж тем более в таком вот, детском обличье – вызывала во мне вполне естественное отторжение. Я не хотел даже думать о ней, а не то что, не дай господь, профессионально заниматься этим вопросом. На мгновение я испытал мучительное искушение последовать здравой мысли – попросить Альбертика перезвонить минут эдак через десять, чтобы тётя Галя, слегка пьяненькая, между очередным анекдотом и куском жирного торта походя вытащила его из чёрной ямы – как нередко вытаскивала своих подруг с их загадочными женскими проблемами, а месяц назад и меня, когда мама попала в больницу с прободением язвы (к счастью, всё обошлось). Я был уверен, что и с этой задачей она справится одной левой – не выпуская из пальцев тлеющего бычка.

О, если бы я поддался соображениям рассудка – или хотя бы вот этой самой естественной брезгливости молодого, здорового, жизнелюбивого существа при соприкосновении с обречённым! Увы, в те годы, как и у многих честолюбивых юнцов, у меня была одна малоприятная черта: когда дело касалось того, что я считал своим призванием, профессиональные амбиции готовы были возобладать надо всем – над разумом, над милосердием, над любыми здоровыми инстинктами. Вот и теперь они быстренько подавили во мне робкие ростки малодушия. После чего маятник моих чувств поехал в обратную сторону: я вдруг проникся выпавшей мне на долю благородной и трудной задачей, нет, лучше сказать, миссией – наставить запутавшееся в самом себе дитя на путь истинный, объяснить ему, что к чему, как надо правильно думать и смотреть на жизнь и смерть, – и эту великолепную роль не готов был уступить никому.

Теперь я понимаю, что нам с Альбертом просто не повезло. Двумя-тремя годами позже всё это было бы элементарно. Да что там, уже через полгода я запросто свалил бы всё на боженьку, рассказал бы ребёнку о загробной жизни, реинкарнациях и проч. Но тогда, в 87-м, мы не обладали столь обширными теологическими познаниями. Да и веру как таковую ещё не признали официально, я сам, чёрт возьми, ещё весной приходил к вот таким же, как этот Альберт, карапузам с познавательной лекцией о вреде религии. Общественная нагрузка, мать-её-за-ногу. Они, черти, жутко радовались, что математичка не успеет спросить у них «домашку» – и до самой перемены бомбили меня утончённо-издевательскими вопросами, на которые я, взрослый и опытный специалист, хошь-не-хошь, вынужден был отвечать вдумчиво и серьёзно.

Да, с религией мы пролетели. Зато оставалась ещё неприкосновенной – хоть и на последнем издыхании, как выяснилось вскоре – иная вера, которая для меня, комсомольца, значила очень многое. Некое имя, известное даже младенцу, ещё несло в себе зловещую силу – способную при надобности сокрушить даже меня, двадцатитрёхлетнего циника-медика, а уж десятилетнее дитя и подавно. И вот так же, как «Отче наш» в сложных ситуациях всплывает даже в самых отпетых умах последним прибежищем, так и в моей голове теперь спасательным кругом всплыло это грозное имя – и внезапно я понял, что знаю, что сказать Альберту.

Как это часто бывает с людьми увлекающимися, свежая мысль, едва угнездившись в моём сознании, моментально принялась откладывать яйца, из которых тут же вылуплялись птенцы, орали, требуя пищи, вытягивали тонкие шеи, широко разевали алчные красные рты, мгновенно вырастали, оперялись, шумно хлопали крыльями, взлетали в небо. Я и сам не сознавал, когда на смену жалости, неловкости, растерянности пришло возмущение. Не просто какое-то там обывательское возмущенье, нет, – оно было высоким, я бы даже сказал, высоковольтным и стояло вне всего житейского. То был благородный надмирный гнев, чьим проводником я внезапно стал как человек, озарённый идеей – не просто идеей, а Идеей с большой буквы.

И, когда он заполнил меня целиком, я заговорил.

Ты не имеешь права пенять на скорую смерть, сказал я. Никто не бессмертен. Люди и подостойнее тебя, сражавшиеся за Революцию, за Победу, лежат в земле, а ведь были среди них и совсем юные – пионеры-герои, помнишь?.. И даже сам Ленин, великий Ленин умер, а ведь, если вдуматься, этого не должно было произойти. Не должно было произойти никогда. Этот человек стоил миллиона, нет, миллиарда таких, как мы с тобой. И всё-таки он мёртв и лежит теперь в Мавзолее, а ты, ты, какой-то Альберт Тюнин, претендуешь на бессмертие?! Да не всё ли тебе равно, что с тобой случится, если сам Владимир Ильич, наш вождь, наш учитель... и проч., и проч...

Это моя врождённая черта – по-тетеревиному возбуждаться от собственного треска. В юности она была во мне особенно сильна. Я вещал, всё больше и больше вдохновляясь, сам чуть не плача от восторга и умиления. Что там, на другом конце провода, поделявает Альбертик – я уже не знал, да, собственно, и не желал знать. Мне было не до него. Я упивался собой.

Боюсь, я был весьма и весьма непрофессионален в те годы. Кажется, я нарушил не только запрет на контрперенос. Я нарушил куда более важный принцип, не столько врачебный, сколько человеческий: «Не будь занудой». Видимо, в те далёкие дни я получал удовольствие от собственного занудства. Кроме того, я был еще болтуном. Болтун и зануда – я был ими на протяжении примерно трёх минут и наслаждался этим от души, пока, наконец, покорное молчание на том конце провода не сменилось короткими гудками – и я, опешив, словно мне плеснули в лицо холодной водой, не застыл в недоумении, машинально сжимая в руке потную трубку.

Первой моей мыслью было – что-то где-то прервалось, какая-то помеха на линии, или, возможно, кошка Тюниных, играясь, наступила на рычаг: у нас дома такое случалось постоянно – мама была завзятой кошатницей. Я поспешно вернул трубку на аппарат, чтобы маленький Альбертик мог перезвонить. Но он почему-то всё не перезванивал. Я сидел на диване и терпеливо ждал, тупо скользя взглядом по орнаменту обоев на стене напротив – крупные синие розы, похожие на страшные брылястые рожи, на тревожно-оранжевом фоне. На другом конце дивана лежал, раскрытый и забытый, «Граф Монте-Кристо», по которому я сейчас, глядя на него издали, смертельно тосковал – но не осмеливался протянуть руку и взять его. С каждой секундой текшей сквозь меня тишины мне становилось всё яснее: Альберт не «уронил аппарат» и ничего не перепутал, он попросту повесил трубку, устав слушать мои разглагольствования, которые – я только сейчас понял это – были не только глупыми, но и жестокими. Ну и ладно, подумал я, сжимая ладонями горящие щёки, – ну и ладно. Не понравилось – пусть ищет себе лучшего утешителя. В конце концов, о нашем разговоре никто не узнает, не станет же умирающий малыш перезванивать, чтобы пожаловаться тёте-начальнице на недобросовестного терапевта.

На этой здравой мысли я попробовал улыбнуться, но получилось как-то неудачно.

Тут как раз откуда-то из далёкого далёка донеслись до меня весёлые голоса – и в следующий миг в прихожей раздался условный звонок – дзынь, дзынь, дзыыынь! – которому я обрадовался, как давно никогда и ничему. Суетливо бросился открывать, что оказалось не так-то просто – вялые пальцы плохо слушались, а, может, замок был туговат?.. Но вот я с ним совла-

дал. Тётенки – никогда я ещё так не любил их! – с хохотом и визгом ввалились в прихожую, вмиг наполнив её жизнью, звуками, радостью, теплом, – всем тем, в чём я сейчас так нуждался. Они, по всему видно, были довольны прогулкой. Не соскучился ли я? (поинтересовался кто-то из них). Нет, сказал я чистую правду. Звонков не было? Не было. В доказательство, которого от меня, кстати, никто не требовал, я гордо продемонстрировал им «вахтенный журнал», где после последней записи («19.48. Девушка гуляет с другим. Гуркова Н.») царила девственная пустота. Ну и ладно. Тётенки, правда, заметили, что я за время их отсутствия стал «какой-то уж очень бледненький и вялый», – но я сослался на внезапное недомогание и под этим безвкусным соусом тихо свалил домой.

После этого для меня наступил трудный период. Насколько могу судить теперь, я был попросту болен – болен душевно. То и дело я ловил себя на том, что разговариваю сам с собой – возможно, даже вслух, потому что однажды мама не выдержала: «Да что ты там всё время бормочешь?» Тётенки заподозрили, что я влюбился, и всю изводили меня, умоляя открыть им «хотя бы имя неземной красавицы». А я всего-навсего подыскивал слова для Альберта, перебирал аргументы и оправдания, чтобы быть во всеоружии, если он вдруг снова позвонит; находил, на несколько дней успокаивался, затем в ужасе всё браковал – и снова пускался в раздумья. Даже как-то раз, украдкой от себя самого, составил шпаргалку, в которую, однако, никогда после не решался заглядывать; так, не читая, и уничтожил.

Этот жуткий односторонний диалог не прекращался и во сне. Едва ли не каждую ночь я запутывался в какой-то очередной громоздкий, изматывающий сюжет с маленьким Альбертиком, выкарабкиваясь лишь под утро совершенно разбитым. Чаще всего он умирал у меня на руках – или где-то рядом, в запертом шкафу или ящике стола, откуда доносились его монотонные стоны, пока я тяжело, бесплодно искал по всей комнате потерянный ключ. Иногда я сам был обречённым Альбертом, но всё никак не мог умереть до конца, полностью, и, наконец, сделав над собой усилие, с содроганием просыпался, – чему, откровенно говоря, был ничуть не рад. А то вдруг оказывалось, что Альберт выздоровел – и мы с ним весело болтаем о том о сём в кухоньке нашего офиса, попивая чай с тортом и виногребом. Всякий раз я видел его иным – то всё тем же круглолицым очкариком, то анорексичным, болезненно ломким королём эльфов – женихом мультяшной Дюймовочки, то ехидным старичком, которому я накануне в сердцах не уступил место в метро, да ещё и нагрубил, то раздражённым Мишей Мухиным, – а то даже и шелудивым, гнойноглазым щенком с ближайшей помойки, которого я, цепенея от ужаса, но не в силах остановиться, добивал палкой с гвоздями. Изредка мне удавалось найти те самые нужные, единственно верные слова, которые свободно изливались у меня, подобно светлым слезам, прямо из души, – но по пробуждении я никогда не мог их вспомнить, что приводило меня в ещё большее отчаяние.

Наверное, самое лучшее, что я мог сделать – это довериться тётенкам. Повиниться, покаяться, отдаться в их материнские руки – пусть стыдят, ругают, даже увольняют, лишь бы только помогли. Да и вряд ли меня ждало что-то худшее, чем то, что я переживал. Я и тогда понимал это. И много раз всерьёз намеревался начать разговор. Но не мог. У меня просто язык не поворачивался. Я не мог себя заставить. А когда минута слабости проходила, радовался, что сдержался. Я цинично говорил себе, что, в конце концов, через год-другой Альбертика уже не будет на свете, – а значит, не будет и проблемы. Так стоит ли подставляться понапрасну?..

Другой соблазн, который периодически начинал меня терзать – мысль разыскать Альберта Тюнина через детскую поликлинику. Но эту идею я и вовсе отметал сразу же, не успев на неё налюбоваться. Ну, нашёл бы я его – и что? Заявился бы к нему домой? Позвонил по телефону? И что я делал бы тогда? Пытался продолжить дискуссию? Просил бы прощения? Это было бы вдвойне жестоко, да и бессмысленно. Помочь я ему не мог. Он мне не мог помочь тоже. Оба мы были обречены нести свой крест в одиночестве.

Сейчас я уже не могу сказать точно, сколько всё это длилось. Может месяц, может год, может несколько лет. Забыл. Слава богу. А потом я познакомился с Ольгой. Любовь исцеляет лучше любого психотерапевта. Да и семейная жизнь пошла такая бурная, что напрочь вышибла из моей головы все ненужные мысли. Если я и вспоминал об Альберте, то очень смутно, как о чём-то давно ушедшем – ведь его к тому времени даже по самым смелым расчётам не должно было быть в живых. Я был уверен, что с этой историей давно и навсегда покончено. Пока она вот так – трагически – не всплыла во втором браке. Всё-таки я был ещё очень молод тогда. Молод и глуп. Теперь-то конечно, я понимаю, что сам убил своего сына. В моем возрасте уже честны с собой, и я могу себе признаться, что гораздо больше, чем «плохой приметы», боялся, что он будет жить и вырастет, и я буду вынужден ежедневно произносить имя Альберт, смотреть в глаза Альберту, жить бок о бок с Альбертом. Я не смог бы этого. Я так этого не хотел, что, можно сказать, выдавил его из жизни. С тех пор я больше не женился.

3

Женат ли ты, холост, а уж будь добр выглядеть достойно в любой ситуации – так диктует нынешнее время.

День, назначенный Кострецким для визита, я встретил во всеоружии. Отполировал до лоска пожелтевшие от времени – тут уж ничего не поделаешь! – зубы и ногти. Достал из шкафа элегантный, серый с искрой костюм, о котором не вспоминал очень давно – в последний раз я надевал его лет тридцать назад на съезд гештальтистов в Петербурге. Всегда актуальная классика. Почистил, примерил – сидел он на мне как влитой. Нашёл в закромах чёрные ботинки, вычистил до блеска «саламандрой». Тёмный, цвета мокрого асфальта галстук, лимонно-жёлтая рубашка (модное сочетание). Из высокого зеркала в прихожей на меня грустно взглянул изящный, в меру обаятельный старый господин: явно умный, обточенный временем, не лишённый даже налёта некоторого дендизма, он, сдавалось мне, вполне мог рассчитывать на уважение. Я, во всяком случае, его зауважал.

Накануне я принудил себя посетить парикмахерскую. Судьба не наградила меня, как многих моих знакомых (не скажу – ровесников), ни благородной седой шевелюрой, ни хотя бы стильной лысиной. Я лыс как-то... местами. Так же и поседел – по-дурацки, клочьями. Короче, единственный шанс для меня сохранять презентабельный вид – стричься под ежик. Это единственная причёска, которая идет моему крупному, костистому лицу. Оно в ней становится выразительным, даже благородным. Изъяны уходят на второй план, зато достоинства начинают работать на эффект, как хорошая живопись в удачной подобранной раме. В таком виде я выгляжу не хуже других, а то и лучше. М-да. Черт бы побрал эту грёбаную «современную жизнь», вынуждающую серьёзного учёного, клинициста, доктора наук заботиться о подобных материях. В мое время это было привилегией барышень. Сейчас, напротив, у барышень в этом плане куда больше свобод.

Увы, сегодня я собираюсь на свидание отнюдь не с барышней, – я не забывал об этом ни на минуту, как ни старался бодриться. Хотел было взять с собой зубную щётку, кусок хозяйственного мыла и небольшие маникюрные ножницы – но вовремя передумал. Даже в худшем случае всё это барахло едва ли мне пригодится. Не те времена. Экономика в России налажена неплохо, крупных строек тоже не предвидится, а, если кто, не дай бог, отважится на политическое преступление, скажем, выложит в Сети квазинаучный текст, логически доказывающий, что Бессмертный Лидер – свой собственный сын, внук или даже клон, – можно не сомневаться, кострецилла найдёт своего хозяина. Я слышал о таких случаях. Правда, давно. Почему давно – не знаю. То ли в последние годы людям всё реже приходит в голову совершать политические преступления, то ли их просто перестали афишировать. Всё ж-таки у нас демократическое государство.

Покуда я развлекал себя подобными размышлениями, время благополучно и почти незаметно катилось к назначенному часу. Вдруг сообразил, что не позавтракал толком – аппетит пропал от волнения. Едва ли это достаточный аргумент. Голод может разыгаться в самый неподходящий миг, а я ведь не знаю, когда мне теперь случится поесть. Живо прошагал на кухню, включил чайник, разогрел две лепёшки из пророщенных зёрен. Едва я откусил первый кусок, как, о чудо, аппетит у меня разыгрался со страшной силой – и я еле успел пристроить на грудь слюнявчик, чтоб не запорошить предательскими крошками свой так тщательно выстроенный имидж.

Я не сомневался, что посланец Кострецкого будет предельно точен. Так и вышло. Ровно в 13.15 пропищал противный высокочастотный звук домофона. С монитора на меня глядел стандартный ибээровец – смазливый чернявый молодчик с мощными плечами и тоненькими, в ниточку, усиками, умело – не придерёшься – подкрашенный и прилизанный. Уголки глянцево-розовых губ растягивались в спецлюбезной улыбке, но зубов (несомненно, идеальных) он мне не показывал – рановато. С точки зрения этикета мы ещё недостаточно для этого знакомы.

Стыдно признаться, но, как я ни готовился к встрече, тут вдруг что-то засуетился, заекал, замекал – не от страха, слава богу (чего мне бояться?), и даже не от смущения (в гробу я видал эту новую молодёжь!), но просто потому, что не знал, как себя вести – опыта не доставало. «Предложить подняться на чашечку чайку?» – мелькнула в голове идиотская мысль. Черт возьми, я в отличной физической форме, да и голова пока работает, и свой возраст ощущаю только в тех случаях (вот как сейчас), когда натываюсь на пробелы в своем знании нынешнего святая святых – правил хорошего тона.

К счастью, этих красавчиков специально натаскивают на выгул таких вот старых замшелых лохов, как я. Вот и теперь, пока я смекал да кумекал, что бы ему такое-эдакое сказать, он бодро, но донельзя уважительно отбарабанил: мол, не торопитесь, Анатолий Витальевич, пудрите носик, я подожду в машине. Тут он очень тепло и, главное, кстати прибавил:

– Это ведь моя работа.

Честно сказать, я даже растрогался. А я-то думал, он меня прикладом из квартиры погонит. Падок старикашка на вежливость. Хоть и понимает, что у юноши это профессиональное. И что, скорее всего, с той же профессиональной вежливостью этот юноша отправляет людей на тот свет. А бедняги ничего и не чувствуют, ну, может быть, охнут непроизвольно, когда что-то тихохонько кольнёт их в бок. Что ж, и на том спасибо. Лёгкая смерть – это ведь само по себе подарок. А в том, что она всегда выходит у него лёгкой, можно не сомневаться. Их ведь и на это натаскивают особо. Они там все – матёрые профи. Других Кострецкий не держит.

Но, как бы там ни было, я не отказал себе в удовольствии хоть запоздало показать класс. Энный раз переделывать галстучный узел, как было мне милостиво предложено, я, конечно, не стал – ведь был уже давно готов, – но всё же заставил себя неторопливо, аккуратными движениями включить туалетный компьютер и вдумчиво пролистать свежий выпуск новостей (саммит МСГГ, ужесточение штрафов за простудные заболевания, очередная помолвка певицы Ди-Анны). Я очень старался – на всё про всё ушло минут двадцать. Пусть юноша подождёт в машине, это его работа. Пусть они там все знают, что гордый старик, как бы немоден, замшел и тухловат он ни был, не так-то уж и торопится целовать задницу новой власти.

Убедившись, что пауза получилась долгой и стильной, я столь же неторопливо встал, нажал на «дэлит», хорошенько проверил все застёжки на костюме, вернулся в прихожую, ещё раз начистил ботинки, успевшие уже запылиться от долгого ожидания, полюбовался собой в зеркале – и только тогда позволил себе покинуть квартиру. Тщательно замагнитив дверь (вернись?!), я спустился по лестнице (лифты бесполезны, а в моём возрасте всё бесполезное равняется вредному) и одной из самых фатоватых походок моей молодости – эдак враскачку, лениво заплетая ногой за ногу – подошёл к машине. Я сразу понял, что это она, даром что она вовсе не была похожа на чёрный воронок из мрачных дедовских времён, а совсем наоборот – впечат-

ляла мерзковатым сходством с личинкой колорадского жука; просто этот чудо-автомобильчик, явно детище модного дизайнера, выглядел наиболее дорогим из всего, что стояло во дворе.

Мой новый приятель был начеку: едва я приблизился, как он услужливо, с подобострастной улыбкой распахнул передо мной дверцу. Я начинал ощущать себя важной персоной. Однако заскакивать в мышеловку не торопился, капризно заметив, что предпочитаю заднее сиденье. На мгновение глянцевоe лицо шофёра судорожно исказилось. Но, будучи профессионалом, он тут же съел обиду:

– Да, да, конечно, как вам будет угодно.

Я понял, что его напрягло. Он решил, что я ему не доверяю. Боязливый старик. А я попросту не могу смотреть на современные «доски» – меня тошнит. Образно, конечно. Это главная причина, почему у меня нет собственного авто.

Когда-то, много лет назад, я был неплохим водилой и лихо рассекал по любому бездорожью на своей старенькой, но верной «Октавии». Но потом из-за пробок ездить по Москве стало бессмысленно, и я пристрастился к пешей ходьбе и подземному транспорту. Ещё спустя десяток-другой лет благодаря «удалёнке» на дорогах стало пусто, как в годы моего детства – но за это время мой верный друг успел технически устареть и безнадежно выйти из моды. А другого я так и не купил. Просто не смог переучиться – скорее из внутреннего протеста, чем из-за старческой заржавленности мозгов. Ну не могу и всё. Вождение для меня – это мои руки на тёплой кожаной обивке руля, древний инстинкт, чувственное слияние с машиной, её живая дрожь, ощущение себя кентавром, всадником, чёрт возьми! – а не эта нынешняя хреновень, когда всё шкандыбает само, а ты знай себе в приборы пялишься, как даун. Так и остался пешим – и ни капли не жалею. В моём возрасте движение – это всё, а шастать по спортзалам нет ни времени, ни желания. А так туда-сюда шоппингом пройдёшься – глядишь, и набегал необходимый для здоровья минимум. Доставкой я не пользуюсь принципиально. Может, потому и в отличной форме до сих пор.

Так я размышлял, лениво цепляя взглядом проносящиеся мимо урбанистические виды, которые, надо же, никто и не думал от меня прятать. С другой стороны, мне ничего и не объясняли. Шофёр мой оказался не из болтливых, а, может быть, таковы были данные ему инструкции, в общем, он включил, «с моего позволения», душещипательного Вивальди, после чего целиком и полностью отдался дороге.

А та интриговала меня всё больше и больше. Почему-то я думал сперва, что меня повезут на Лубянку. Дурацкий стереотип. Когда центр Москвы остался позади, я вспомнил, что где-то на Юго-Западе некогда располагалось аляповатое здание ФСБ. Но и тут остался в дураках – за окном вдруг замелькали откровенно пригородные пейзажи. А чуть позже их сменили зловеще-минималистичные ограждения каких-то сомнительных предприятий, один вид которых мог бы нагнать уныние на самого заядлого весельчака. С каждой минутой законное пространство казалось мне всё более гиблым, что рождало вполне понятную тревогу. Но, странное дело, с ней соседствовал какой-то наплевательский азарт. Подстёгиваемый им, я так ни разу и не спросил шофёра, куда он меня везёт, – продолжал демонстрировать фирму. Пусть знают, что и мы, старички, не лыком шиты, умеем, умеем держать лицо не хуже его вылощенного шефа. За всю дорогу я задал один-единственный вопрос – на который он очень миролюбиво ответил, что, мол, звать его Михаилом, но для своих (а я уже относился к таковым) он просто «Мишок».

Это ненавязчивое дружелюбие – хоть я и старался ни на секунду не забывать о его формальности – так расслабило меня, что к концу пути моё спокойствие перестало быть наигранным: я вдруг поймал себя на том, что попросту, от души наслаждаюсь быстрой ездой, а особенно – дивными звуками, льющимся из динамиков. Жаль только, что снаружи смотреть было особо не на что – одна колючая проволока да белые стены. Надо же – всего каких-нибудь полчаса назад я аж весь трясся от волнения, а теперь окончательно вжился в роль знатного

вельможи. Причём безо всяких усилий – это получилось как-то само собой, я даже не заметил как. Или это ибээровский выкормыш меня в неё... вжил? Было ли это сделано Михаилом намеренно? Или его шестёрочья выучка любого бы автоматически заставила чувствовать себя большим боссом? Если первое, то, поддавшись его нехитрому гипнозу, я выглядел бы глупо.

Подумав так, я, тем не менее, не удержался-таки от вальяжного: – Голубчик, а не открыть ли нам окошко?... – тоном, который покоробил даже меня самого. Но мой поводыр тут же выполнил просьбу, да ещё и поинтересовался, «не надует ли мне» – первый его прокол, пусть и только лингвистический. Снисходительно и надменно я ответил, что за всю мою без малого вековую жизнь «мне», тьфу-тьфу-тьфу, ещё ни разу никуда не «надуло».

Впрочем, мы уже и приехали. Как мог элегантно выбравшись из машины, я с уважением оглядел расстилавшийся вокруг пейзаж: пустое шоссе, вдоль которого тянулась бесконечная грязно-белая бетонная стена, несколько серых ёлочек и, чуть поодаль – небольшое одноэтажное строение, при виде которого в моём мозгу тут же всплыла древняя аббревиатура «КПП». Почему-то вдруг закружилась голова и ослабли колени – я даже слегка пошатнулся. Михаил бережно поддержал меня под локоток – ласковая, целомудренная забота, которой я не посмел сопротивляться, – и с тревогой спросил, не укачало ли меня. Я успокоил его, с отвращением чувствуя, как где-то внутри живота ворочается тошная паника, навеянная мрачно-казённым видом одинокого домишки.

В следующий миг оттуда выскочили два молодца, таких же лощёных и плечистых, как мой поводыр. Я невольно отметил, что они идеально дополняют друг друга внешне – итальянистый шатен с модной щипаной бородкой и золотистый блондин с гладкой массивной челюстью. Бдительный Мишок продолжал аккуратно придерживать меня, покуда они приближались к нам, сияя радостными улыбками – белозубыми (мой статус неуклонно рос!). После краткого обмена приветствиями и лёгкой пикировки на служебном жаргоне, которого я, к счастью, не понял, состоялся торжественный акт приёма-передачи клиента. Теперь меня ласково, но твёрдо поддерживали уже под оба локотка. У самого КПП я тоскливо оглянулся на покидаемую волю – и успел ещё увидеть, как глянцево-красная личинка с Мишком внутри медленно и плавно опускается в люк подземного гаража.

Едва мы переступили (вернее, меня перетаскили через) порог, как противная тревога и страх неизвестности, начавшие было посасывать меня изнутри, враз улетучились – они попросту не устояли перед открывшимся мне зрелищем, подобного которому я, человек старомодный и к тому же домосед, в жизни не видывал – и теперь знай вертел себе головой туда-сюда, время от времени зависая с открытым ртом в крепких руках понимающе ухмыляющихся охранников. Казённо-сырый домик оказался простой маскировкой; внутри же расстелилось многослойное, разнообразно сверкающее и расцвеченное веерами световых (боюсь, что и не только) лучей пространство, отделанное в ультрамодном стиле «secret-tech» – с его голографическими плоскостями и сложными визуальными эффектами. Пройдя весь этот великолепный холл насквозь, мы зашли в лифтовую кабинку, расписанную цветными граффити, чьего юмора я, человек отсталый, не понял, – и где-то с минуту ехали вниз, и мои спутники подбадривающе лыбились мне в настенные зеркала, и я дивился предусмотрительности шефа службы безопасности, умудрившегося так ловко припрятать свой головной офис.

На этаже, где мы высадились, пришлось миновать несколько «контрольных зон», затопленных пугающим зелёным свечением. Даже думать не хочу, что было бы со мной, окажись что-то не в порядке – я и лязгающих-то метротурникетов всегда боялся до жути. Дальше начались анфилады голографических дверей «под дуб», сквозь которые мы проходили с неприятной лёгкостью, едва они озарялись синим светом, знаменующим разрешение войти. Человеку неподготовленному отследить в таком помещении, откуда он пришёл и куда направляется, без навигатора нереально – я и не пытался, полностью отдавшись на волю своих спутников и ошарашенно глаза по сторонам, и очухался лишь после того, как (к великой радости щипаного итальяшки)

чуть не впаялся лбом в очередную дубовую голограмму. Это оказалась «обманка» – настоящая, добротная дверь, на которой висела аккуратная позолоченная табличка – не без казённого юморка: «Кострецкий Игорь Игоревич. Стучать до посинения».

Что и сделал блондин, аккуратно вступив сандалетой в зелёный следок у порога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.